

ЕКАТЕРИНА БАКУЛИНА

A detailed illustration of a man and a woman in a forest. The man, on the left, has long, wavy brown hair and a beard, wearing a white shirt with lace and a brown leather vest with a sword. The woman, on the right, has long, wavy blonde hair and is wearing a white dress with lace and a brown leather corset. They are embracing and about to kiss. The background is a dark, misty forest with blue and green tones.

ВОЛК ИЗ
ТЕМНОГО ЛЕСА

Екатерина Бакулина

Волк из темного леса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70982590

SelfPub; 2024

Аннотация

В Лесных землях давно не все ладно, князь умер больше года назад, сын погиб в дальнем походе, и княжна Василина с матушкой остались одни. Все заботы легли на их плечи. Но земле нужен настоящий хозяин и защитник, поэтому светлейший царь милостью своей послал Василине жениха – сильного и властного. Только княжна такому жениху не очень-то рада. И лес тоже новому жениху не рад. Что-то темное поднимается в чаще, древнее... и только светлый душой может с этой тьмой справиться.

Содержание

Глава 1. О подозрительном женихе и царской милости	4
Глава 2. О волках и раскрытых секретах	16
Глава 3. О мальчишеских драках и о любви	27
Глава 4. О княжеском пире и планах побега	40
Глава 5. О проклятии из леса и том, что сбежать невозможно	58
Глава 6. О богах, тварях и защитниках	72
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Екатерина Бакулина

Волк из темного леса

Глава 1. О подозрительном женихе и царской милости

– А говорят, он старый, – Баженка накручивала на палец конец косы, то и дело привставая на носочки, словно надеясь что-то разглядеть на дороге. – И кривой, говорят. И горбатый.

Василина только вздохнула тяжело. Даже если так, выбора у нее все равно нет.

– Будешь болтать, тебе такого же найдем, – буркнула она.

– А мне-то за что? – Баженка даже на месте подпрыгнула, развернулась к княжне. В глазах разом сверкнули возмущение и ужас. – Небесная мать! Что я сделала-то? Мне не надо!

Василина подняла бровь, изображая полнейшее удивление.

И Баженка смутилась, губу закусила.

– Ох, – дернула себя за косу. – Прости, княжна.

Василина, между прочим, тоже ничего плохого не сделала. Но если ей действительно подсунут такое чудовище, то делает обязательно, терпеть не станет. Этот жених ведь не в наказание ей послан, а как раз наоборот. Он, говорят, приближенный царя, но не из родовитых, а то и вовсе из простых, потому что толком ничего не известно. Но сам всегда верно служил царю, за что царь решил отблагодарить. А у Василины... так вышло, что отец и братья погибли. Один брат в поход ушел и не вернулся, второй – здесь, в лесу... Отец прошлой зимой в горячке слег и не встал больше. А больше никого и нет.

Поэтому государь милостью своей послал Василине мужа, лучшего во всем царстве. Так и написал. И Василина еще радоваться должна.

А она вот не радовалась.

Впрочем, кривого и горбатого она бы пережила, это не главное. Да и не старый, Есиславу чуть за тридцать. Это Баженка девчонка глупая, ей все, кто старше двадцати – старики, самой пятнадцать только. Но Василина взрослая, ей как раз под стать будет.

Даже наоборот – ей не смазливый мальчик, ей сильный и опытный мужчина нужен, а то в лесах у них тут... ну, непонятно что в лесах творится. Нежить лесная подниматься начала. Ей жених для дела нужен. А любовь... Какая ей любовь? Она за людей отвечает.

Да и не в возрасте дело.

Только говорят, этот Есислав – сам тварь еще та. И царскую любовь не подвигами и честной службой заслужил, а доносами и кровавыми расправами над царскими врагами. А другие говорят, что вовсе и не любовь, что царь его как раз подальше в леса сослать решил, чтоб при дворе глаза не мозолил и не напоминал лишний раз, как трон был получен. А вспоминать там... как Есислав этот едва ли не самолично сдирал с врагов шкуры и сажал на кол, выжигал глаза, вырывал языки и много чего еще делал во славу государеву. Только правда это, или брешут люди, Василина знать не могла.

Но от одной мысли, что придется жить с таким человеком, пробирала дрожь.

Пусть только попытается здесь свои порядки устанавливать, она найдет управу. Леса вокруг темные, а в лесах волков много. Да и не только волков. Костей потом не соберешь, концов не найдешь. Матушка не одобрит, конечно, но матушке знать и не обязательно. Василина вон, воеводе Тихомиру намекнет, и сгинет царский ставленник в темных лесах.

А пока стоило на этого Есислава посмотреть.

Вот-вот приехать должен. Данька как раз с Волчьей балки прискакал, сказал, что в трактире Есислав остановился, в дне пути. А Данька как раз всю ночь скакал, чтобы им тут сказать, чтобы за день успели подготовиться к встрече. Сам-то Данька волков не боится, у него, говорят, в роду есть... хотя никто не видел, чтоб оборачивался. Далек в роду, видать.

Но будущий князь, говорит, ему сразу не понравился. Про

старого и горбатого, небось, тоже он Баженке наплел. Данька приврать любит... даже не приврать, приукрасить от души.

Вот сейчас на башне сидит, высматривает.

Совсем темнело уже, а все нет. Или Есислав решил не ехать сегодня? Кто знает, какие у него планы. Отдохнуть решил? В трактире погулять? Решил подготовиться к встрече? Что-то не нравилось это Василине. Не одна из версий не нравилась.

Она извелась вся. Хотелось уже посмотреть на него и все для себя решить.

Подготовились уже, а его все нет.

Данька там на вышке тоже нетерпеливо приплясывал, вытягивая шею.

Не приедут? Пойти в дом, что ли... Уже почти решила, что сегодня нечего ждать.

– Едут! Едут, княжна! – услышала вдруг.

Их было четверо.

Василина даже сначала подумала – это не они, кто-то еще. Не может такого быть. Есислав должен приехать с дружиной... ну, хоть десяток людей с ним быть должен. Тем более, что Данька говорил, они весь трактир заняли, их много. И куда делись остальные?

Будущий князь чуть впереди, кафтан расшитый золотом, так и блестит, словно на параде... только кровью заляпан весь.

На них напали?

Собаки залаяли, завыли со всех сторон. Кажется, все собаки в крепости решили подать голос. Что за...

– Волки, – мрачно сказал Тихомир, неслышно подошедший сзади. Василина даже вздрогнула.

– Что?

– Трое из них волки, – сказал Тихомир. – Четвертый... не пойму. Вам бы может зайти внутрь, княжна? Мы сами встретим.

Кивнул своим, чтоб подошли ближе.

Данька мигом слетел с дозорной вышки, подбежал.

– Нет, – твердо сказала Василина. – Я хочу знать кто это.

Но предусмотрительно отступила чуть назад. Не уйдет. Их только четверо. Что бы они ни хотели, кем бы ни были, но вчетвером ничего не смогут сделать против всех ее воинов.

Ближе...

– Он это! – подал голос Данька. – Я его видел. Это точно он.

– С волками? – сказал Тихомир. – Хотя... чего бы и нет? Я слышал при дворе много волков служит. И ничего...

Не старик, нет. Сильный и крепкий, хотя, конечно, не мальчик. Кривой. Одноглазый, левый глаз черной повязкой закрыт, и шрам поперек лица. Но не горбатый совсем, разве что чуть сутулый, но плечи широкие, мощные. Нос крупный с горбинкой...

– Княжна! – с ходу поприветствовал он, чуть склонив го-

лову. И прыгнул на землю. Легко и привычно прыгнул, только чуть выдохнул, присогнувшись, но тут же выпрямился снова.

Он ранен? На кафтане прорезана дыра, засохшая кровь видна хорошо.

Василина шагнула навстречу.

– Вы Есислав Милорадович? – мягко сказала она. – Рада приветствовать вас...

Запнулась. «В нашем доме?» Но ведь раз царь послал, теперь это и его дом тоже? Да, пусть только после того, как он женится на ней. Но все равно. А ведь Василина целую речь подготовила, но тут все вылетело из головы.

Не то это... И не рада.

– Вы ранены?

Он только вздохнул, бок потер немного. Достал из-за пазухи бумагу с царской печатью.

Волосы у него темные, кудрями, но впереди, со лба уже наметились залысины.

– Ничего страшного, – сказал, протянул царскую бумагу ей. – Ерунда. Василина... Нам бы отдохнуть с дороги.

А голос обычный. Глубокий, даже приятный, но в целом – обычный голос. Впрочем, сложно сказать, чего ожидала Василина. После всех историй, что слышала о нем...

Бумагу взяла, развернула, пробежала глазами. Так и есть. Светлейший царь дает свое согласие на ее брак с этим Есиславом, выражает надежду, что сей союз послужит укреплению.

нию мира и благополучия на Синих холмах, что Есислав послужит надежной защитой и опорой...

Жених.

Стоит, смотрит на нее внимательно. Ждет, не мешает.

Что-то не так в этом...

– Идемте со мной! – спохватилась она. – Сейчас провожу вас... И лекаря пришлю.

– Не нужно лекаря, – сказал Есислав. – Все хорошо. Только отдохнуть немного.

Хорошо, пусть так.

– На вас напали?

– Напали. Но мы разберемся сами...

– Вчетвером? – словно невзначай обронил Тихомир где-то за спиной.

И Есислав резко обернулся, зыркнув на него.

– Разберемся!

* * *

– Княжна! – Тихомир подошел перед ужином. – На пару слов бы тебя.

– Да? – Василине и самой беспокойно, что-то во всем этом не складывалось, смущало ее.

Тихомир задумчиво огладил бороду, нахмурился. Тихо кашлянул, прикидывая, как бы начать.

– Есислав этот, – сказал он. – Что-то не так в нем, не могу

понять. Ты будь осторожней с ним.

Не так – определенно.

– А что именно? – спросила она.

– Ну... – Тихомир себя за бороду дернул. – Во-первых, волки с ним. Да, в царевых войсках волков хватает, но волки никогда не подчиняются людям просто так. У них всегда свой вожак, и он уже связан с человеком, которому служит, кровной клятвой. У этих нет вожака. Да, можно подумать, что вожак был, но его убили, их совсем мало осталось. Но я посмотрел за ними, пока расселяли, объясняли все... – Тихомир головой задумчиво покачал. – Волки подчиняются Есиславу беспрекословно. Ему лично. Преданно. Я волков повидал, княжна, это сразу видно. Как младшие в глаза заглядывают, одобрения ищут.

– То есть, они служат ему напрямую? Каждый из них? Как если бы он сам был волком.

– Выходит, княжна. Но Есислав-то человек. Не пойму я... Каждый клятву принес? Но это слишком как-то... Не делают так, – нахмурился еще больше. – И еще княжна. Волки молодые совсем. Один и вовсе мальчика, едва ли старше нашей Баженки. Драться они, конечно, могут, но опыту у них взяться не откуда. Кто ж таких с собой в дальние походы берет? Или как у них вышло? Всех опытных положили, остались только щенки? Чудно это, княжна.

Чудно. Василина и сама понимала.

Что-то не так с этим царским ставленником.

– И вот еще княжна... – Тихомир тяжело вздохнул. – Не знаю даже как и сказать это, сам не понимаю. С Данькой поговори сама. Он видел этого Есислава еще в трактире. И говорит, что вроде бы тот же человек, а что-то не так. В том, говорит, злобы было через край прям, а это не такой... Не знаю, княжна. Может в трактире что-то разозлило его, а сейчас нет. Может, показалось Даньке что...

– А волков Данька видел? Были в трактире волки с Есиславом.

– Были, – кивнул Тихомир. – Я тоже сразу спросил. Были с ним волки. Эти или нет, сказать сложно, но были. И ты будь осторожней, княжна. Я и сам еще присмотрюсь.

* * *

Матушка разглядывала столичного гостя с интересом, с легкой, едва заметной ухмылкой, словно видела что-то такое, чего не могли видеть другие. Василине даже показалось, что она принюхивается. Но к чему тут принюхиваться можно? Только ноздри чуть подрагивали.

Ужинали втроем. Это завтра позовут соседей и дружину соберут, будут за большими столами сидеть. Сегодня тихо, считай в семейном кругу.

– Значит вы, Есислав Милорадович, приехали на моей дочери жениться? – матушка смотрела на него снизу вверх, но словно бы свысока.

И тот, на удивление, смущался под ее взглядом. Как мальчишка. Хотя, казалось бы, такой человек, приближенный царя, смущаться не должен. Столько всего в его жизни бывало, что не здесь точно, не сейчас.

– Царь послал меня, вот я и приехал, – сказал он. – Не ради дочери, – и на Василину покосился. – А чтобы порядок в этих землях навести.

Матушка чуть приподняла бровь.

– А что, пресветлый царь считает, что порядка в наших землях нет? – спросила матушка, голос предостерегающе зазвенел. Василина даже губы поджала, потому что такой голос не предвещал хорошего.

Но Есислав только зубами скрипнул.

– А есть порядок? То есть вы, Доброслава Казимировна, – холодно, медленно и очень четко произнес, – не знаете, как погиб ваш старший сын? Не знаете, от чего на самом деле умер ваш муж?

Матушка аж в лице изменилась, побледнела разом.

Василине страшно захотелось пихнуть этого Есислава в бок, чтобы не смел такое.

Но матушка и сама за себя постоять могла.

– А ты много об этом знаешь? – спросила она. Почти ровно прозвучало, только в глазах давняя боль огнем и вызовом сверкнула.

– Кое-что знаю. И собираюсь узнать больше.

Матушка губы поджала, глаза в сторону отвела. Ох, не

наверилось это Василине, но сейчас она наблюдала, стараясь не мешать. Помешаешь сейчас, и что-то важное упустишь.

– Я Джарелду писала, – сказала матушка тихо. – Он не ответил.

Есислав только тяжело вздохнул. И словно сплюнуть хотел, но удержался, подбородок дернулся.

– Это ваше с ним дело, – тихо сказал он. – По мне, так не время сейчас за старые обиды держаться. Если ничего не сделать, будет хуже.

Джарелд – волчий царь, вожак, кто как не он должен знать, что в здешних лесах твориться.

– Поэтому ты за дочерью моей приехал? – так же тихо спросила.

– Я не за дочерью приехал, – сказал Есислав. – Я жениться вообще не собирался, – глянул на Василину. – Прости, княжна. Не в тебе дело. – Я за другим...

И Василина поняла, что не может больше молчать. И матушка знает куда больше, чем говорит. Действительно знает.

– Кто ты такой? – спросила она, глядя прямо на Есислава... или кто он там?

Он повернулся к ней, молча поджав губы.

Да и сам понимал, что его раскусили, вот так сразу. Но говорить не хотел.

– Есислав Милорадович, приближенный нашего светлейшего царя, – строго, с нажимом, сказала матушка. – Жених твой. И не вздумай попусту болтать.

Василина кивнула. Ладно, они потом поговорят. Матушка, вероятно, лишних ушей опасается. Это правильно. Если все действительно так серьезно, то лишние уши ни к чему.

А Есислав этот с облегчением, кажется, выдохнул.

– Могу я рассчитывать на вашу поддержку, Доброслава Казимирована? – осторожно спросил он.

– О поддержке пока рано говорить, но мешать не стану, – сказала она. – С Тихомиром поговорю. Но ты и сам будь осторожен, ошибешься, и уже не только твоя голова полететь может.

Глава 2. О волках и раскрытых секретах

Как бы ни хотелось Василине поговорить с матушкой, но после ужина та подозвала к себе Есислава, обсудить наедине, на Василину шикнула только: «Потом, сейчас не время». А как с Есиславом закончила, велела к себе Тихомира позвать. И до глубокой ночи обсуждала что-то с ним. Впрочем, если дело серьезное, Василина вполне могла понять – не до нее.

А дело серьезное, это точно.

Только поделиться сомнениями не с кем, о таком не стоит болтать. Баженке только намекни, она тут же как сорока разнесет. Не умеет она язык за зубами держать.

Подумать самой? Тут она что угодно придумать сможет, но правда останется далеко.

Поэтому и решила сама к Есиславу постучать.

Хотя ведь не Есислав он, но как иначе называть, Василина пока не знала.

Под дверью видно было полоску света, свечка горит, значит спать жених еще не ложился.

Постучала осторожно. Но нет, никто не ответил. Тихо.

Только вроде шорохи какие-то... Что там? Наверно, не стоило, но тут дверь приоткрылась сама. Василина чуть толкнула ее... или не чуть? И дверь приоткрылась, не заперта была.

Есислав стоял у стола, пытаясь сам себе перевязать бок какой-то тряпкой. На тряпке отчетливо виднелась кровь. Повернулся на скрип двери и так и замер.

– Прости... те... – осторожно сказала Василина. – Я только хотела поговорить, а дверь... открылась.

Он криво ухмыльнулся в ответ.

– Что ж, давай поговорим, княжна. Сейчас только...

Кое-как подоткнул бинты, чтобы уж совсем не сползали, потянулся за рубашкой.

Нет, не годится так.

– Подожди, – Василина быстро подошла. – Давай я помогу, завяжу, чтобы не падало. Надо сначала одно дело закончить, а потом уж...

Он напрягся слегка, хотя мешать ей и отказываться не стал. Если уж Василина пришла, от нее теперь никуда не деться. А полуголых мужиков Василина не смущалась. Ну, не настолько. И братьев приходилось лечить, они вечно куда-то лезли, и другим раны зашивать. У нее, говорили, рука легкая, и сила есть, если сама сделает, все быстро заживает. Так что сейчас Василина точно понимала, что делает, опыт был.

А у этого даже перевязано кое-как, наспех.

И вообще, что-то странное в его фигуре, что-то не вяжет-

ся. Крепкие плечи, хоть и чуть угловатые, ключицы выпирают, спина... нет, не горб, но как-то неуклюже выпирает...

Странно. И в то же время стоит он прямо, и наклон головы... Но если это личина, то и не удивительно.

На повязке кровь.

– Так не годится, – строго сказала Василина, и сама развязывать потянулась. – Водой хоть промыл?

– Промыл, – фыркнул он, не мешая, кивнул на миску с водой, которая вся красная стала.

Та-ак...

Василина нахмурилась.

– Сейчас посмотрю. А чего от лекаря отказался? Это ж точно не царапина?

Он засопел только. Не сразу ответил.

– Я же оборотень, – сказал тихо, со вздохом. – А ведь не должен. И любой нормальный лекарь это поймет.

Оборотень. Василина тоже понимала. На животе у него густые черные волосы, шерсть почти – свои. А на руках волосы совсем тонкие, Есислава, наверно. Личина хорошая, но не полностью покрывала, обычно это не и не нужно. Личина... И это все, в целом, ставило на места. Логично становилось. И волки с ним, и... остальное.

Интересно, как...

И матушка-то сразу поняла.

– А что стало с настоящим Есиславом? – спросила Василина, и вот где-то здесь развязала окончательно, открыла. –

Ох, ты ж... Да как ты еще на ногах стоишь? Подожди, у меня мазь хорошая есть. И зашить надо, иначе это...

Губу закусила, покачала головой.

– Ничего страшного, – сказал он. – Я не человек, на нас быстрее заживает.

Но отказываться снова не стал, все-таки. Тут глупо отказываться.

– Сейчас принесу все, – сказала Василина. – Подожди.

Да и куда ему деваться, тут уж не сбежит.

По дороге успела подумать, что, наверно, и к лучшему все это, теперь оборотню точно скрывать нечего. Да и не похоже, чтобы он так уж хотел что-то скрывать. Не от Василины и не от матушки точно, раз сам у нее о поддержке спрашивал. А от кого прячется тогда?

Она прибежала быстро, велела этому Есиславу сесть. Как же его зовут на самом деле? Почему-то казалось, он куда моложе, скорее ее ровесник. Но кто же знает. Воды еще принесла. В воду несколько капель целебной настойки капнула, чтобы кровь вернее остановить и воспаление снять. Волк волком, но это не помешает.

Потом свечу поближе поставила, чтобы лучше видеть. Такую рану лучше зашить, потому что разошлось широко.

– Не дергайся, – сказала она, пальцами осторожно коснулась.

Удивительно вообще, как ничего не задето. Это след от

клинка, не от когтей точно, не с волками он сражался.

Он напрягся, но не дергался. Кивнул. Пока она шила, только сидел выпрямившись, дышал рвано, иногда тихо шипел сквозь зубы. Терпел. Табуретку правой рукой сжал так, что костяшки побелели.

– Так что там с Есиславом? – спросила Василина, заканчивая. – Его можно уже не ждать?

– Не ждать, – немного хрипло согласился оборотень. – Убили его. И тело его наши спрятали, чтоб не найти. Честно сказать, мы не планировали... ну, вот это все. А с Есиславом свои счета были. Давние. И тут еще прибавилось. Вот и напали, ну... повздорили. Убили его. А потом у него увидели кольцо, чтобы личины менять. Он сам, видать, пользовался не раз. Ну и решили... Раз такое дело, надо пользоваться. Так-то, если царского посланника убить, то сразу шум поднимется, сюда из столицы люди набегут. А так вроде жив он, приехал, то, что людей его меньше осталось, так никто считать не будет. Потом придумаем уже, как сделать, чтобы сам Есислав тихо пропал. Лишний шум нам не нужен.

– То есть, оставаться надолго не ты не планируешь?

И жениться на Василине, конечно, тоже? Ну и славно.

Он фыркнул.

– Да куда мне? Я долго под чужой личиной не протяну. Меня твоя мать и так сразу раскусила, у других, может, чуть больше времени уйдет. Зачем судьбу искушать?

– А кто ты на самом деле? – спросила Василина, сердце

чуть замерло.

Он вздохнул. На нее посмотрел.

– Ульвар, сын Джарелда. Младший. Мы виделись с тобой, в детстве. Не знаю, помнишь ты? Тебе года четыре было. Меня тогда отец с собой брал, приезжал сюда. Только ты меня так не называй, а то услышит еще кто-то.

Ульвар...

Помнит она. Смутно, но помнит. Ему тоже тогда было лет пять, на год он ее старше, или около того. Она ему лошадей на конюшне показывала, потом сад, он за яблоками на яблоню лазил... А потом как-то отношения у отца с Джарелдом не заладились, Василина точно и не знала, что произошло. Наверно, сейчас и не важно уже, давно было.

Надо же, как вышло.

Ульвар.

– А матери моей сказал, что порядок здесь навести хочешь, – сказала Василина.

Он насупился страшно, помрачнел.

– Сказал, – кивнул он. – Я сделаю все, что в моих силах. Нам всем никуда от этого не уйти. Я просто пока не знаю, с какой стороны братья.

Не планировал он...

– А зачем ты вообще в это все полез?

* * *

– И что нам теперь с этим мальчишкой делать? – вздохнул Тихомир, поглаживая бороду.

– Не дави на него, пусть себя покажет, – княгиня Доброслава сложила руки на коленях, задумчиво глядя в окно. – Я говорила с ним, он тут задерживаться не планирует, хочет тихо сгинуть в лесах. Устроить так, словно медведь задрал или еще что. Без лишнего шума. Может, и лучше будет... Если до царя дойдет, что его человека местные убили, нам тоже спасибо не скажут, разбираться приедут. А если тихо – может и обойдется.

Тихомир покачал головой, сильно в таком сомневаясь. Не обойдется так.

– Все равно приедут. И нового жениха Василине пришлют.

Доброслава вздохнула, подлокотник кресла ладонью погладила.

– Что-то мне подсказывает, любой новый будет все равно лучше этого, – сказала она. – Я про Есислава не так много слышала, но все нехорошо. Василинка бы с ним горя хлебнула. Так что я, конечно, такие дела не одобряю, но и не порадоваться не могу. Может к лучшему.

Тихомир фыркнул только.

– Тут я соглашусь, пожалуй. Мне Данька рассказал, что в трактире произошло. Думаешь, чего волки так сорвались? У них в трактире двое волчат-полукровок работали. Ну, не дети, но молоденькие совсем. Парень и девчонка. И девчонку

эту то ли сам Есислав, то ли кто-то из его людей, это Данька не застал, решил за зад ухватить. Девчонка огрызнулась по-волчьи, зубами клацнула, когти выпустила. А этому-то не понравилось, что ему зубы показывают. Велел девчонку схватить и пустить по кругу, а потом и вовсе прирезали ее. Их три десятка было, два – люди, и десяток волков, волки особо не участвовали, но и не мешали, но у них свои клятвы, они иначе не могли. Три десятка вооруженных воинов, что тут делать? И парень-полукровка рванул к своим. И вот они, видать, отомстили.

– Так быстро успели?

Тихомир усмехнулся, подбородок сквозь бороду потер.

– Думаю, они его и без того ждали, а это подхлестнуло только. У Джарелда с Есиславом, я слышал, и без того счеты были. Может, убивать и не собирались, но проследить точно. Сути не знаю, но... Это ведь с того раза, да?

Губы поджал, на Доброславу глядя, она кивнула.

– Я тоже знаю не все, – сказала со вздохом. – С того раза точно, но может что-то еще. Да, думаю, Есислав уже бывал в этих лесах... не знаю... охотился. Разговоры про него были. Еще муж мой был жив. Помнишь, охотников все тут искали? Вот Джарелд уверен, что это Есислав, или сам, или по его приказу.

– Да... Мы тогда не нашли, кто там охотился. Были разговоры, но толком ничего, – сказал Тихомир задумчиво. – У меня тогда с десяток парней пропало, просто ушли искать и

не вернулись. Их не нашли тоже. И костей не нашли, и следов. Сгинули. Только лес кто-то перебаламутил. Это ведь с того раза нежить дурить начала. Раньше-то спокойно было. А с того раза...

– Да, с охотой что-то нехорошее вышло. Я раньше не очень в эти сказки верила, про оленя. Но потом, когда Ярослав это проклятье подцепил, когда Глеб погиб... – голос дрогнул у Доброславы, губы дрогнули.

Она встала, подошла к окну, отвернувшись, глядя вдаль, себя руками обхватила. Или просто пытаюсь скрыть подступившие слезы.

Тихомир подошел тоже, осторожно коснулся плеча.

– Славушка... – шепнул совсем тихо, и долго молчал. – Не плачь. Они теперь у Отца нашего пируют, а мы...

Доброслава кивнула, шмыгнула носом совсем не по-княжески, а потом, повернулась и уткнулась Тихомиру в плечо.

– Знаю. Но все равно не забыть.

Тихомир вздохнул, осторожно по плечу ее пальцами погладил.

Ну, ничего...

– За Василинку мне страшно, – сказала Доброслава. – У меня кроме нее никого не осталось. Жених еще этот... И ведь с царской волей ничего нельзя сделать. Ведь когда узнает – нового пришлет. А знаешь... – подняла на Тихомира глаза. – Я ведь порадовалась, когда поняла, что не Есислав. Матери небесной даже не вина, крови плеснула, отблагода-

ритель. Но только что дальше будет – никто не ведает.

– Не бойся, Василинку мы в обиду не дадим. Я все сделаю... Все, что в моих силах.

– Знаю, что сделаешь, – Доброслава щекой к плечу прижалась. – Не сомневаюсь в тебе. Но все равно страшно. Иногда наших сил не достаточно.

Судьба иногда такие повороты закладывает, что только держись.

Тихомир тихо засопел, вздохнул.

– А как ты этого Ульвара раскусила так быстро? – спросил он. – Я тоже засомневался, кто он, но мне не понять...

– Что он волк – я просто вижу, – сказала Доброслава. – Чую. Сквозь личину. Ты же знаешь, как у меня бывает.

– Ну, волк волком, но чтобы... Ты же его мальчишкой видела.

Доброслава улыбнулась ему, подняла глаза.

– Да он сам проболтался. Я только намекнула, что понимаю, а он сразу и рассказал. Парень сам растерян и не знает, как дальше с этим быть. О сделанном не жалеет, но не планировал. За девчонку, видеть, отомстил, не удержался.

– За девчонку – понимаю, – согласился Тихомир. – Они своих в обиду не дают, даже полукровок. Вопрос в том, как нам с этим быть теперь? Сделать вид, что не поняли?

– Да, – сказала Доброслава, – пока сделать вид. А потом разберемся. Не нравится мне эта история, но и как правильно поступить я пока не поняла. Обдумать надо. Не торопить-

ся. А пока – тихо. Ульвар хочет, чтобы я с его отцом поговорила, чтобы сама приехала, или хоть письмо написала. Потому что в одиночку никому из нас ничего не решить. Джарелд гордый, сам писать не станет. Помрет, но не попросит о помощи. А я... ну, – Доброслава улыбнулась. – Я женщина. Да и не со мной, с Ярославом у него размолвка вышла. Со мной ему делить нечего.

– То есть, Джарелд не справляется... – усмехнулся Тихомир.

– Мы тоже не справимся, не думай, как до нас дойдет. Там что-то очень давнее и очень темное поднялось. У нас пока не так заметно, но дойдет непременно. Если правда все эти сказки, то спокойной жизни не будет.

– Поедешь к нему?

– Напишу сначала, – сказала Доброслава. – Теперь все равно это как-то решать придется. Раз Ульвар здесь, разговоров не избежать. Может и судьба...

Глава 3. О мальчишеских драках и о любви

Утром, выйдя во двор, Василина застала Ульвара, который серьезно отчитывал своего младшего волчонка. Волчонок шмыгал разбитым носом, утирая капающую кровь, но держался гордо, словно отчитывали его крайне незаслуженно.

Рядом сидел Данька, серьезно наблюдая за всем этим. У Даньки тоже кровь и следы когтей видны на рукаве. Подрались, значит. Но ничего серьезного, похоже, просто как мальчишки.

А еще чуть дальше крутилась Баженка, делая вид, что усердно метет двор, поглядывая то на Даньку, то на волчонка, хотя раньше за таким занятием Василина ее ни разу не видела.

Та-ак... Все трое, значит.

Василина подумала, и первым делом к Даньке подошла.

– Ну? – сказала она. – Что тут у вас?

– А чего он? – буркнул Данька, кивнув на волчонка. – Сам полез!

– К тебе? Зачем?

Что-то подсказывало, что Баженка не зря тут крутится.

– К Баженке! – еще более сердито буркнул Данька. – Чего он?!

– И чего он? – уточнила Василина, на Баженку покосилась, но та выглядела так, что сразу ясно, никакого вреда ей не нанесли. И даже наоборот, скорее, не успели нанести чего-то ценного. Баженка усиленно мела двор, поглядывая на волчонка, чуть прикусив нижнюю губу. Так, словно из-за него переживала, надеясь в скором времени перехватить и разговор продолжить.

– Он к ней приставал! – сказал Данька, мрачней все больше.

– А ты?

– А я увидел, и по морде. Нечего ему!

– Хм... – Василина покачала головой. – А Баженка точно против приставаний была?

– Да он... – тут у Даньки даже сказать нечего было, от возмущения даже дыхание перехватило. – Да как же... Нечего ему!

Угу.

Василина кивнула, в целом ситуацию поняв, и подошла уже к Ульвару, невольно улыбаясь, глядя, как оба они, с волчонком вместе, смущаются под ее взглядом.

– И что тут произошло? – громко спросила она.

Волчонок попятился за спину Ульвар, словно пытаясь поджать хвост и прижать уши, но в человеческом обличе

они с трудом прижимались. А Ульвар наоборот чуть вперед шагнул.

– Недоразумение вышло, княжна, – сказал он. – Больше не повторится. Торин больше к девушке не подойдет.

– Как не подойдет?! – вдруг подала голос Баженка, забыв, что делала вид, словно не причем.

Василина не удержалась, заулыбалась, хотела было сказать, что не стоит так уж сурово, но Ульвар предостерегающе нахмурился, сам шагнул к ней.

– Поговорим, княжна? – немного мрачно и строго, так, что все веселье разом развеялось.

В сторонку Василину отвел.

– Что-то случилось? – тихо спросила она.

– Ничего не случилось, – покачал головой Ульвар. – Сейчас ничего, они дети и там... Как я понял, Бажена несла ведра с водой, Торин взялся помочь, а парень твой увидел и испугался, решил, что обижать Бажену никак нельзя.

– Разве ее обижали?

Ее попробуй, обидь! Баженка сама так коромыслом приложит, что мало не покажется.

– Твой парень просто знает, что произошло в трактире между людьми Есислава и местной девочкой. Между моими людьми... если не рассказывать правды. С моего позволения. И сейчас старается всеми силами повторения не допустить. Он все правильно делает, молодец. Я Торину объяснил, что очень аккуратно надо, не сейчас. Он и не хотел

ничего плохого, и не обидит, можешь не волноваться, но...

Но все сложно.

И как-то тревожно заныло внутри.

– И что там, в трактире произошло?

Василина не знала.

И Ульвар тяжело вздохнул.

– Да там приставать начали к одной девчонке, она огрызнулась, ее и... ну, и прирезали.

Кольнуло в сердце.

Да, если смотреть на вещи так... И те же люди сейчас к Баженке пристают. Не те же, но Данька не знает, и ему пока не стоит знать.

Василина кивнула тоже.

– Я со своими тоже поговорю, – сказала она. – Не знаю только, как правильно сказать...

– Скажи, чтобы были осторожны, так разумнее всего. И скажи, что мы тут с тобой договорились, и что мои к твоим не сунутся, не стоит нас бояться. А иначе мать твоя всех проклянет.

Василина нахмурилась, с удивлением на него глянула.

А ведь матушка может. Сила в ней есть. Обычно она лечит больше, добром помочь старается, но и проклясть может тоже.

– Ты про матушку откуда знаешь? – чуть напряженно спросила она. О таких вещах здесь говорить не принято.

– А это тайна? – удивился он. – У тебя ведь ее кровь. Ее

сила. А знаю... отец говорил.

– Не стоит здесь об этом говорить, – Василина строго посмотрела на него. – Здесь люди волшеббу не любят.

– Так это ведь не волшебба, это другое.

– А это ты никому не объяснишь. Люди бояться начнут. Что тебе еще твой отец наболтал?

Ульвар усмехнулся.

– Разное... – пожал плечами. – В тебе сила есть, чтобы остановить то, что в лесу поднимается. Поэтому я здесь. А еще... – и вдруг подмигнул хитро, – отец когда-то хотел, чтобы тебя за меня замуж отдали, поэтому я о тебе много знаю.

– Что?! – Василина даже отпрянула. Не то, чтобы такое ее испугало, просто... ну, не ожила сейчас. – Когда-то хотел? – уточнила она. – А сейчас?

Ульвар, зараза такая, заулыбался шире.

– Так твой отец ему сразу отказал. Сказал, что не отдаст тебя в лес волкам. Хотя у нас-то ничуть не хуже. А теперь...

Василина зубы сжала. Злость поднялась.

– А теперь, значит, отца нет, наследников не осталось, и он решил тебя снова подослать? Так?! Думает, теперь легко будет?

Уперла руки в бока и на Ульвара решительно двинулась.

Их земли, хоть и не шибко богатые, дикие, приграничные, но все равно лакомый кусок. А жениться на Василине, значит все себе загрести, стать хозяином. Нет уж. Никакие волки это не получат. И если отец не хотел, то, значит, не зря.

– Василина... – Ульвар не испугался, конечно, и даже сам чуть, на полшага, вперед подался. – Что ты? Поверь, я не за этим.

– Не за этим? – Василина уже злиться начала, и остановить это сейчас невозможно. – А зачем тогда здесь? Порядок наводить? В чужом доме? Думаешь, я поверю, что другого интереса у тебя нет? Сам же начал!

– Есть другой интерес, – сказал он. – Но не жениться...

– А что так? Значит, не подхожу я тебя?

Он даже глазами захлопал.

Потом засмеялся.

– А ты сама-то хочешь?

– Нет! – резко заявила Василина. – Если нужно будет, то царевой воле подчинюсь, тут деваться некуда. Но сама замуж не пойду. Это моя земля, и я ее никому не отдам!

Потому что тот, кто на ней женится, будет тут хозяином, а она уже так...

Ульвар кивнул, соглашаясь. И как-то иначе на нее посмотрел, с интересом.

А ведь вчера, когда она спросила зачем, он тоже ничего толком не сказал, ушел от разговора.

* * *

– Это правда? – Василина хотела знать наверняка.

Матушка, на удивление, не рассердилась, и не нахмури-

лась даже, а заулыбалась.

Здесь, наедине, можно было говорить прямо и спокойно, не опасаясь лишних ушей.

– Правда. Ульвар тебе рассказал? – догадалась она. – Значит, Джарелд своих идей не оставил. Что ж... Если хочешь знать, я никогда против не была. Конечно, сейчас не время для этого, но ты к парню присмотришься.

– Мама! – возмутилась Василина. – О чем ты говоришь?! Я не собираюсь замуж! Тем более за этого...

Он ей, между прочим, и не предлагал ничего.

И вообще, она его и не знает совсем. Что он за человек? Даже не видела без этой личны. Хотя внешность женихов Василину никогда особо не заботила, совсем не это важно.

– Я говорю: присмотришься, а не выходи замуж, – улыbnулась Доброслава. – У твоего отца были мотивы отказывать Джарелду, но это его личные мотивы. Он меня сильно ревновал. Джарелд ведь когда-то ко мне сватался, но мой отец предпочел будущего князя Синих холмов, а не волка из леса. Джарелд долго потом успокоиться не мог. А твой отец... ну, он так и не смог примириться, все ему казалось, что Джарелд как-то не так на меня смотрит.

Ох, ты! А вот этого Василина не знала.

– Мама... – даже растерялась, не зная, что сказать.

– Это все было давно, – отмахнулась Доброслава. – Джарелд много лет женат, он отличный отец и верный муж, в этом я не сомневаюсь. Думаю даже, тогда Джарелду больше

не я сама, а мой дар был интересен. Волки это очень ценят и к древним легендам серьезно относятся.

– Дар небесной матери?

– Не только, – Доброслава поджала губы, долго смотрела на дочь. – Знаешь историю об Олене золотые рога?

– Это... сказка. Мне нянька в детстве рассказывала.

Василина никогда не воспринимала такое всерьез.

– Не такая уж и сказка, – сказала Доброслава. – Говорят, оленя этого, духа леса и земли, действительно видели в наших лесах. У границ, где еще живут люди, но начинаются совсем дикие лесные земли, куда даже волки боятся нос сунуть. Говорят, видели огромного оленя, втрое больше обычного, я ясное солнце в его рогах... Хотя не в солнце дело. Говорят, кто сможет убить этого оленя, кто съест его сердце, тот получит огромную силу.

– И волки на этого оленя охотились?

– Нет, не волки, – Доброслава головой покачала. – Волки почитают его как покровителя леса. Им хватает обычных оленей из плоти и крови, они ради богатства и наживы не убивают. Охотились люди. И говорят, что Есислав в этом замешан, либо сам, либо даже по приказу царя. Пусть не его самого, но его людей видели. Не знаю, смогли ли убить оленя, но что-то там охотой нарушили. Ты же и сама понимаешь, что в лесах беспокойно стало. А будет еще беспокойнее. И чем дальше... Надо всем вместе решать.

– С Ульваром? – с легкой насмешкой. Он же сам маль-

чишка еще.

– С Джарелдом, – строго сказала Доброслава. – Я ему письмо написала, утром отправила.

Да.

Надо вместе, да, Василана понимала, что дело серьезное. И сердце заныло тревожно, потому что она всегда догадывалась, но только сейчас мелькнула возможность понять...

– Он сказал... – и голос дрогнул. – Ульвар сказал: «От чего на самом деле умер отец».

Доброслава вздохнула судорожно, зажмурилась на мгновение, головой покачала.

– Я наверняка не скажу тебе, что это было, – ей тоже слова давались с трудом, чуть хрипло выходило. – Он когда вернулся, помнишь, сказал, что в пещеры в скалах спускался, там река поземная, он реку упал, простудился, жар поднялся. Только где эта пещера? Почему он один пошел? Он мне говорил, что в пещеру его позвали, что ночью явились огни, и позвали за собой, он и пошел. Что в пещере река, на реке лодочник...

Тут Доброслава запнулась, к губам пальцы прижала.

Покачала головой.

Василина вдруг поняла, что ей страшно. И матушке страшно. И главное, что она не помнит, когда видела, чтобы матушка по-настоящему чего-то боялась. А тут боится.

– И лодочник велел в лодку садиться... – голос Доброславы подрагивал от волнения. – И Ярослав, словно во сне, по-

шел к нему, запрыгнул, от берега отчалили... И тут словно голос услышал... словно звали его. Он говорит – обернулся, увидел меня на берегу. Я его звала. И он обратно ко мне рванул, в воду прыгнул... Только вот... не удалось.

Облизала губы, прикусила нижнюю.

– А ты... – Василина догадывалась, но не знала, как правильно сказать. – Ты видела это?

Невероятно казалось.

Доброслава кивнула.

– Я сон видела, – сказала она, пальцы сжала. – Думала, что это только сон. Видела, как он уходит от меня во тьму, так что не вернуть. Звала его, там, во сне, пыталась докричаться, вернуть. Страшно так было. Но, видишь... дозвалась, только не помогло это. Я тогда проснулась в холодном поту, долго в себя прийти не могла. А потом через два дня он вернулся, но... Ушел все равно.

Прошлой зимой было, Василина хорошо помнит. Что-то тогда беспокойно в лесах было, отец ездил смотреть. Когда вернулись, едва на лошади сидел, в шубу кутаясь, трясло его. Тогда сразу, для всех, сказал просто, что в речку упал и простудился теперь. «Как в речку? Под лед?» «Под лед», – согласился он. Что ж, такое случилось. Потом уже, ей и Глебу... да, Глеб тогда тоже жив еще был, тогда все так спокойно и просто казалось... что ничего не произойдет. Сказал, что в пещеру спускался, и не под лед, а там. Только об этом болтать не стоит. А матушке, значит, сказал больше, чем им...

Наверно, потому что матушка и сама больше знала.

– Я тогда очень плакала, – сказала она, да и сейчас слезу в глазах дрогнули. – Переживала. Думала, ведь не зря же мне этот сон. Я должна была что-то сделать. Ведь неспроста. Но ничего не смогла. Не успела? Или сил недостаточно оказалось.

Плакала тогда... Да, Василина помнит. И не то, чтобы удивляло это, все понятно, конечно, чтоб по мужу плакать. Только раньше Василине казалось, что не очень-то ладно они живут с отцом. Вроде бы и не ссорятся, но каждый сам по себе. Иногда за день словом не перекинутся, даже если рядом. А потом мама долго сама не своя была, потемнела вся... Василина подумала, может быть она не понимает чего? Нет, конечно, не радоваться должна, но чтобы так.

А теперь, наверно, понятнее. Страшно было. Казалось, должна была что-то сделать, остановить, и не смогла.

– Мам, а ты любила папу? – осторожно спросила Василина.

Голос чуть подвел, все же спрашивать такое – слишком личное. И пусть Василина уже взрослая, ее саму скоро замуж отдать могут, но у матери спрашивать все равно неловко.

И Доброслава вздрогнула, застыла, долго смотрела куда-то перед собой.

Потом растерянно почти пожала плечами.

– Не знаю, – сказала она. – Раньше думала, что да. Какой еще должна быть любовь? Ярослав был хороший человек, я

с большим уважением к нему относилась, он и ко мне всегда добр был, и отцом был прекрасным, и мужем... Жили и жили.

Тут запнулась, вздохнула. Нет, не стоит обманывать. Отцом он действительно был отличным, и с братьями вечно возился, с собой везде их брал и всему учил. Что Глеб, что Всеволод в нем души не чаяли. Да и с ней, с Василиной всегда сидел, сказки ей рассказывал, подарки привозил. Она любила отца, это точно. Он был для нее идеалом, большим, сильным, мудрым. А мать...

Мужем он был плохим. Даже Василина видела, как он девочек по углам обнимает. Нет, вроде бы не обижал никого, все это тихо, не на показ, и девкам он всегда нравился, они сами к нему так и липли. Матушка не могла не знать.

– Да, я знала, что верным мужем он не был, – матушка смотрела в сторону. – Что ж, мы ведь женились не по любви. Мне казалось даже – это нормально, так и должно быть, он ведь мужчина. Только... обидно было все равно. Он не скрывал. На показ не выставлял, но и если прямо спросить – никогда не отказывался. Все понимал. Старался передо мной вину загладить, подарки дарил, во всем угодить старался. Только что мне его подарки? Он меня ревновал, а сам... – вздохнула. – Не знаю. Все равно за столько лет... мы ведь больше четверти века прожили... За столько лет привыкла я к нему, привязалась. Он сам-то неплохой человек. Пусть и без любви, но все равно родным стал. Плакала. Потому что вроде

бы был шанс, а я никак спасти не смогла. Может любви не хватило, может чего еще.

Когда отца не стало, Глеб остался за старшего. Тяжело было. Потом и вовсе...

Глеб ранней осенью погиб в лесу.

А Всеволод, второй брат, за год до этого в поход с царем в дальние земли ушел, и не вернулся тоже. Просто пропал, тела никто так и не видел. Иногда казалось – он вернется! Но глупо это. На поле битвы пропал, там мертвых много было. Если был бы жив, давно бы вернулся.

Теперь только Василина с матерью и остались.

Глава 4. О княжеском пире и планах побега

Пир в честь дорогих гостей и нового князя вышел скромным. Своих собрали, чтобы все видели, знали, чтобы почтение царской воле показать. Чтобы у людей сомнений не возникало, будто что-то не так происходит. Не нужны сейчас такие сомнения, иначе раньше времени шум поднимут.

Ульвара посадили рядом с Василиной, как жениха. И он старательно делал надменный, слегка уставший и недовольный вид, чтобы поменьше вопросов к нему было. Старался поменьше говорить, почаще прикладываться к кубку с вином, хотя ему из отдельного кувшинчика совсем не вино подливали – на волков вообще плохо действует, а сейчас, чтобы никакой оплошности не допустить, и вовсе ясная голова нужна.

Василина видела, как он напряжен. Возможно, и не только Василина.

Но с Есиславом тут никто раньше не был знаком, поэтому раскрыть его сложно, тем более, что и выглядел как надо.

И все бы ничего, может и обошлось бы. Но тут Василина заметила, каких-то людей у входа. Чужие, не ее, но точно

местные. И явно случилось что-то, потому как они оглядывались по сторонам, мялись у дверей. Обернулась к Тихомиру, он кивнул, тоже успел увидеть.

– Узнаю, княжна, – пообещал тихо.

Тихомир вышел. Он знал, кто это. По крайней мере один из троих, Богдан Длинный, при том трактире работает, остальные, видимо, сочувствующие. И даже понимал, зачем они пришли. Ради справедливости. И все трое чувствовали себя неловко, потому что справедливость поперек царских указов шла.

– Выйдем, – махнул он, за собой приглашая. К себе, в кабинет.

Они послушно и хмуро пошли за ним.

– Чего хотели? – спросил, когда наедине остались.

– Да вот... – Богдан руками развел, засопел тихо. – Рассказать тебе пришли, воевода. Про царского человека, что тут у вас. Думаю, тебе стоит знать. А уж как дальше, это твое дело, тут я не советчик.

Его. И Василины – она ведь наследница, ей решать. И как-то невольно Тихомир порадовался, что Есислава уже убить успели. И так, кончено, проблем хватит, а как правда выплывет, так и вовсе. Но что бы они делали с таким новым князем? Если бы самому против царского человека пришлось идти. Смог бы он?

– Это вы про девочку из трактира? – спросил Тихомир.

И мужики переглянулись.

– И про нее, да. Про нее тоже, – вздохнул Богдан. – Но, вообще-то из-за другого пришли. Помнишь, как вы с князем нашим Ярославом, охотников искали? Так вот, кое-кто из людей, которые с Есиславом прибыли, и раньше бывали здесь. Мы вот обсудили между собой... Да, видели их. Вот как раз тогда видели. Они уже были здесь, и, думается, те охотники...

И спросить бы тех людей лично, узнать, да уже не у кого. Но может и к лучшему. – Не осталось уже никого из тех людей, – сказал Тихомир. – На Есислава по дороге волки напали. Он сам остался, и еще трое с ним, но все мальчишки, вряд ли были тогда. Так что волки им уже, как могли, отомстили.

Те снова переглянулись, нахмурились.

Отомстили...

– Волки... Значит, у волков на них свой зуб. Значит, и правда замешаны, не показалось... Так выходит, у Есислава и людей не осталось?

Последнее вдруг с такой надеждой, чуть руки не потеряли, так, что Тихомира даже передернуло. Невозможно не понять.

– Если с Есиславом что-то случится, – внушительно сказал он, бороду огладив, – царь нас по головке не погладит. Разбираться будут. Есислав сюда не по своей воле приехал сейчас.

Богдан вздохнул тяжело.

– Кто знает, по чьей воле он раньше приезжал?

И такие мысли тоже были. Но это совсем плохо выходит.

– Тогда тем более осторожно надо.

* * *

– Эй, ты чего здесь делаешь? – Баженка заметила волчонка на заднем дворе.

Не то, чтобы искала его, но поняла, что на пиру нет, и решила пойти пройтись... да так просто пройтись, воздухом подышать. Сдался ей этот волчонок?

Просто обидно стало, что его незаслуженно обидели, и он теперь на нее не смотрит, прячется.

Волонок и сейчас насупился и чуть отшатнулся, словно Баженка какая заразная.

– Ты чего? – спросила она.

Он засопел сердито.

– Мне запретили к тебе подходить. И вообще...

– Почему? – Баженка точно отступить не собиралась.

– Потому! – буркнул он. – Неприятности нам лишние не нужны. И так вон...

Ага. Про неприятности, в целом, Баженка и сама понимала. Волки на них напали, трое остались, и еще князь. Волчата остались только. Но если волки напали, то, наверно, своих, волков, тем более молодых, просто решили не трогать,

пожалели. И Есислава этого... ну, наверно, тоже неприятностей не хотели. Или он хитрый такой, что ушел...

Про то, что в трактире было, Данька ей уже все рассказал.

Только Баженка что-то не верила, привирает Данька, ее пугает. И этот самый волчонок точно ни к кому не приста-вал. Ни здесь, ни в трактире тоже. Он не такой. И вообще, у волков свои принципы.

Но интересно до жути.

– А тебя Торин зовут?

Он посмотрел на нее, насупился еще больше.

– Торин. А ты Бажена.

И вдруг вскочил на ноги, словно собираясь сбежать. Но Баженка ему просто так сбежать не позволит.

– Ты куда? – поинтересовалась она. – Девчонок боишься?

Проверенный ход, от нее еще никто не сбегал.

Волчонок сначала опешил, потом подборок задрал с вы-зовом.

– И вовсе я не боюсь! Ничего не боюсь. Просто... нечего мне тут с тобой. Дела еще есть!

– Испугался! – хихикнула Баженка. – Не бойся, твой князь не узнает. Я просто поговорить хотела, а ты сразу в кусты.

– Он не князь... – начал и запнулся.

– А кто? Боярин?

Торин губы облизал, пытаясь найти верный ответ.

– Вот женится на твоей Василине, тогда князем будет.

А вот тут как-то кольнуло, Баженке не понравилось. И,

вроде бы, все правильно... а не так.

– А ты давно ему служишь?

– Не-а, – Торин головой мотнул. – Мой отец ему давно служил, а меня вот впервые взяли, на дальние земли посмотреть...

Отца... И тут вдруг кольнуло по-настоящему, Баженка смутилась.

– Ой... – тихо сказала он. – Твоего отца волки убили, когда напали? Да?

Торин озадаченно моргнул, долго смотрел на нее, словно не зная, как сказать.

Сглотнул с усилием. Потом кивнул.

– Да.

– Прости, – Беженка губу закусил, стыдно стало. У парня ведь горе такое, а она пристаёт. – Ты поэтому с пира ушел? Не хочешь с ними? Тяжело?

Он мотнул головой. Чуть попятился даже, потом снова кивнул.

– Ничего, все нормально, – буркнул как-то не очень уверенно. – Я пойду.

– Подожди! Стой тут! – Баженка чуть не схватила его за руку, но вовремя одумалась, решила не пугать. – Я тебе сейчас пирожков со стола принесу! А то что ты один тут... Горе горем, но есть надо!

– Я уже поел, – попытался было он.

– Ничего! Вдруг потом еще захочешь! Стой тут, – строго

велела Баженка, и подхватила, побежала за пирогами. Разок только оглянулась, не ушел ли волчонок, погрозила ему пальцем. Ничего, он ждал.

Вот и хорошо.

Так быстро, как только могла. Не в палаты где пир, а на кухню, тут быстрее. Набрала пирожков миску, и назад.

– Вот! – сунула в руки Торину. – Поешь! Вкусные. Тетка Любомила печет, лучше чем у нее – ни у кого нет. Не бойся, твой Есислав не узнает, а если узнает, то не будет ругать. Это ведь не ты ко мне, это я к тебе подошла.

Торин взял растерянно, откусил, принялся жевать. Сначала осторожно, потом, распробовав, заулыбался. С мясом пирожки. Баженка специально такие брала, хотя сама больше с капустой. Но этот же волк, ему с мясом надо.

– Спасибо, – сказал он с набитым ртом. – Очень вкусно.

– Вот! – обрадовалась Баженка. – Когда поешь, оно всегда лучше! И ты не бойся, тебя ругать не будут. Не такой уж страшный твой Есислав, как о нем говорят. Если что, Василина с ним договорится. Я-то людей насквозь вижу. Данька мне наговорил всякого, но я вижу, что это не так. Сердце у него доброе, ненависти нет.

Торин чуть пирожком не подавился, назад отступил.

– Видишь?

– Вижу, – согласилась Баженка. – Меня тоже Небесная мать отметила, я много вижу... Ну, пока немного, но с возрастом, говорят, больше начну.

Парень даже икнул. Головой замотал.

– Нет, не доброе сердце... Ты его в гневе не видела. Не понимаешь! – и как-то испуганно совсем. – Я пойду. Хватит... У меня еще дела есть.

* * *

– Значит так, парень, рассказывай, что дальше намерен делать. Подробно рассказывай, – Тихомир Ульвара к себе позвал, когда после пира расходиться начали, ночью. – Мне нужно все точно знать.

Ульвар только вздохнул тяжело, у него точного плана не было, все не по плану вышло. На стуле поерзал.

– Подождать, пока все уляжется, потом тихо пропасть в лесу.

– И долго ждать? Знаешь, что тебя убить хотят?

– Меня? – он опешил даже. – За что?

– Есислава, – сказал Тихомир, вздохнул. – Тут люди приходили, которые сильно Есиславом были недовольны. И старое там что-то, и то, что в трактире было, и в целом слава у него так себе. Не хотят наши такого князя. У нас тут народ гордый и вольный, ты сам знаешь. А раз у Есислава своих людей почти не осталось, то, может, можно это как-то устроить.

– Так может это и хорошо? – осторожно сказал Ульвар.

Тихомир только зубами поскрипел.

– Вот смотришь на тебя, на все вот это... – рукой с головы до ног окинул, – И кажется, что взрослый серьезный мужик. А потом вспоминаешь кто ты... Да Василинкин ровесник, щенок еще. Не обижайся. Ты очень стараешься, я вижу. Но не тянешь ты игру в Есислава. Я бы вот с отцом твоим поговорил, или хоть братом... Да что... Вот скажи, если тебя убивать придут, что делать будешь? Драться? А можешь драться так, чтобы себя не выдать? Волчью суть? Или пусть тебя убьют, и дело с концом? – ухмыльнулся. – Что ж тут хорошо?

Ульвар зубами скрипнул, губы поджал, долго сидел, задумавшись. Левый глаз под повязкой потер, он вечно чесался.

– Драться, чтобы себя не выдать, я не смогу, – сказал серьезно. – От запаха крови, от смерти вокруг, опасности... Нет, оборот я, конечно, контролирую, но что-то все равно пробьется. Не думаю, что хоть один волк может притворяться человеком в бою, даже отец. Так что надо до этого не довести. Охрану нужно. С другой стороны, прятаться, в тереме отсиживаться тоже не стоит. Нужно, чтобы как можно больше людей увидели Есислава, были уверены, что он здесь, и его хорошо приняли и... Нужно по городу покататься, с охраной, чтобы даже не думали нападать. Чтобы все узнали. Но да, долго притворяться я не потяну. Не умею я это, – руками развел, губы чуть нервно облизал. – Поэтому вот прямо на неделе лучше, пока меня никто явно не раскусил, отправиться в лес. Вот хоть деревенька была за Заячьими хол-

мами, там давно уже беспокойно, большинство людей еще зимой в другие места ушли, кто по родственникам, кто куда. И вот, поехать туда и там в лес, прочесывать окрестности. И не вернуться.

Тихомир слушал внимательно, кивал, потом даже чуть заулыбался.

– Все правильно говоришь, – согласился он. – Так и сделаем. В город завтра прямо с утра поедем, к купцам заглянем, по торговым рядам пройдемся. В рядах всегда народ, и тебя заметят, к обеду уже весь город знать будет. Я с тобой сам поеду, еще людей возьмем. При мне точно никто нападать не станет, так что можно не бояться. А потом... На счет Заячьих холмов я еще подумаю. Опасно там. Но в целом тут ты тоже прав, нужно пропасть поскорее, пока никто ничего не заподозрил. Разбирательства будут, но они будут все равно, этого не избежать. Отец твой хоть знает, что ты тут делаешь?

Даже если не знал раньше, то Доброслава письмо написала, теперь уже должен знать.

Ульвар вздрогнул и чуть подобрался, помрачнел.

– Отец меня убьет за все это, – сказал он. – Без его одобрения... И даже поперек его слова. Когда узнали, что Есислав едет, он велел не лезть и ждать. Присматривать за ним. А мы... ну, мы присматривали. Еще до трактира по лесу за ним шли, смотрели, ждали. Со мной много волков пошло. Хоть и отец не одобрял, но многие на Есислава зуб имели и просто так позволить ему тут ходить не хотели. А уж после

того, что в трактире произошло, после того, что он с девчонкой сделал... – Ульвар зубами заскрипел. – Если б я только знал, что там происходит, мы бы еще тем вечером в трактир ворвались и все разнесли. Не дали бы... Но узнали, когда уже поздно было.

– И хорошо, что не знали, – сказал Тихомир. – Неприятностей бы у тебя тогда в разы больше было б.

– Отец бы...

– Да не отец, – резко прервал Тихомир, отмахнулся. – Если б царь наш узнал, что на его человека в трактире открыто волки напали и всех перерезали, как думаешь, что бы он сделал? Думаешь, как бы это выглядело в его глазах?

Ульвар открыл было рот... и закрыл. Побледнел. Зубами заскрипел.

– Сам ведь понимаешь, – сказал Тихомир. – Оттого и Есилавом сейчас притворяешься. А если б открыто напали в трактире, притворяться уже б не смог. А царь бы прознал, что волки чуть ли не средь бела дня на людей нападают, собрал бы войска и отправил в леса прочесывать, волков истреблять. И всех бы истребил. У него как раз после Илгарского похода войска освободились, скучают. А так бы всех в дело. Вот бы отец твой порадовался.

Щеки Ульвара даже сквозь личину пошли красными пятнами.

– Мы не могли на это просто так смотреть!

– Я тебя не осуждаю, парень, – сказал Тихомир. – Думаю,

и отец твой не осудит. Думаю, поругает за самоуправство, за то, что не посоветовался. Может у него свой план был. А ты вот так, сгоряча. Но в целом, думаю, не осудит, он тоже все понимает. Но надо думать, что дальше делать. Теперь осторожно надо. Как Есислав пропадет, царь все равно сюда своих людей пришлет, разбираться. Так не оставит. И разбираться и... князя нового, Василине нового жениха. И хорошо, если все тихо решит.

Ульвар моргнул, замер. А потом даже вытянулся.

– Да, – со вздохом сказал Тихомир, колени ладонью потер. – Я не могу о ней не думать, она мне как дочь, на моих глазах выросла, вечно за нами, за отцом бегала, он ее брал с собой везде, как и мальчишек. Он ее как сына и растил, учил всему. Василинке все кажется, что она и сама может. Она б и могла, пожалуй, справилась бы. Но ведь не в ней дело. Если уж один раз прислали, то и снова пришлют, значит, эти земли чем-то царя интересуют. Не позволит он девке здесь одной править. Была бы хоть еще вдова с сыном, ее б, может, и оставили в покое. А так – девка. А девке муж нужен. К ней уже все соседи сватались, она нос воротит. А теперь, думаю, выбора у нее больше и нет, свой выбор сделать ей царь не позволит. Рано или поздно здесь новый князь будет, и служить ему... Я-то, может, и послужу. А вот ей нелегко придется, – и на Ульвара внимательно посмотрел. Головой покачал. – Ладно, иди спать, парень. Завтра нам с утра в город ехать.

* * *

– Зайти можно? – Ульвар стоял на пороге. Раннее ранее утро, только солнце выглянуло, Василина еще спала. А тут он.

Кое-как проснулась, завернулась в покрывало.

– А? Что случилось? Заходи.

Он переступил порог и чуть в сторону, но дальше не стал, только дверь прикрыл, чтобы не слышал никто. Помялся немного.

– Мы тут с твоим воеводой как дальше быть обсуждали, – сказал тихо. – Сейчас в город поедем, чтобы там на меня все посмотрели, поверили. А потом... Я не смогу тут долго оставаться.

– Да, ты говорил, – еще немного сонно согласилась Василина. – Бок твой как? Не кровит больше?

Он мотнул головой.

– Все нормально, на мне быстро заживает. Василина... сейчас не время, наверно, но я всю ночь думал. Что с тобой будет дальше? Тебе ведь нового жениха пришлют.

Василине это не понравилось, задело даже.

– И что тебе за дело до того? – поинтересовалась она.

– А если снова такой, как этот Есислав? – осторожно сказал Ульвар, чуть ближе шагнул. – Как с ним жить дальше? Может, тебе тоже лучше сбежать?

– Что? – возмутилась она, на него уставилась. – Куда я сбегу?

– В лес, – сказал он. – Уйдем вместе. Со мной. И тебя не найдут. А потом, может, и матушку твою к нам. Ты не думай, у нас хорошо...

– Да ты с ума сошел? – возмутилась Василина, даже руки в бока уперла. – Сбежать и бросить Синие холмы? Это моя земля! Я ее от отца получила, вслед за братом. И как мне это взять и бросить? Вот ты бы сбежал, если б один остался?

Он даже вздрогнул от такого.

– Нет, конечно.

– А почему я должна? Думаешь, если женщина, то уже ничего не могу? Должна за чью-то спину прятаться? Да я не хуже брата справляюсь!

– И что бы ты делала, если на самом деле Есислав приехал? – у Ульвара вышло немного резко, но он просто не очень понимал, как с ней об этом говорить. – Если бы мы не убили его по дороге. Что бы делала сейчас? Знаешь ведь, что он за человек?

– Знаю! – резко сказала она. – Но это ты меня плохо знаешь, если думаешь, что испугалась бы! Он сюда не армию бы привел, у него столько нет. А вокруг – люди за меня. У меня своя дружина. Так что пришлось бы со мной считаться. А не то я и сама в лесочке тихо прикопать могу!

Не то, чтобы Василина твердо верила, что ей бы удалось, но точно знала, что отступить не собиралась и дралась бы за

свое до конца. Ее отец вместе с братьями воспитывал, она все умеет и знает. Не была бы покорной тихой женой, которая в тереме сидит и шелковые платочки вышивает. Нет, вышивать она умеет, и даже любит, это хорошо успокаивает. Но ведь и не только вышивать!

Ульвар смотрел на нее с интересом, улыбался даже.

– Верю, – согласился он. – Про прикопать в лесочке – очень верю.

Василине страшно захотелось обидеться, но она решила, что не будет. Пусть верит, в конце концов.

– Так что не думай, что без тебя я бы пропала! – все равно сказала она.

Ульвар улыбнулся шире.

На его лице... вот этом широком одноглазом лице Еси-слава, улыбка смотрелась странно, чужеродно даже.

– Если что, просто знай, что я всегда готов помочь, – сказал он.

– И чем ты поможешь?

– Не знаю, – сказал он. – Время покажет. Но если вдруг что-то понадобится, ты зови, я всегда приду.

– Зачем тебе мне помогать?

– Ну... – он дернул плечом. – По-соседски. Лес у нас один, проблемы, во многом, одни, так что стоит помогать друг другу.

* * *

– Он тебе нравится? – Баженка должна была вышивать, сидела с пальцами, но только болтала ногами, пиная ножки стула, и поглядывала в окно.

– Кто?

Василина даже вздрогнула, задумавшись о своем.

– Есислав! Ты так на него смотришь!

Испугалась даже. Что же такое Баженка видит, раз такие вопросы делает? А ведь не знает ничего, для нее Есислав все еще Василинин жених.

– Никак я на него не смотрю, – сказала она. – Просто наблюдаю, пытаюсь понять, как нам дальше с ним жить.

Почему-то мысль, что Ульвар скоро сбежать планирует, ее злила. Нет, умом она понимала, что так правильно, разумнее всего, нельзя ему оставаться, иначе раскроют. Но обидно было все равно.

Сегодня весь день Ульвар с Тихомиром в городе. Ездят, будущего князя всем показывают, разговаривают. А завтра уже собираются куда-то в лес ехать. И что-то подсказывает Василине, что из леса Есислав не вернется.

А Ульвар? То есть, она все понимает, конечно, он без личины тоже возвращаться не станет, зачем ему? Он здесь только для того, чтобы следы замести, время потянуть.

Потом ей придется писать царю, что Есислав пропал в лесу. И царь пришлет нового.

А если не писать, то рано или поздно до царя вести все

равно дойдут, и у нее проблемы будут, потому что против царской воли ей ничего не сделать. И от этого становилось страшно, и плакать хотелось, но плакать никак нельзя.

И снова та мысль мелькнула – вот бы Всеволод вернулся! Тогда никто не смог бы эту землю отобрать. Ведь тела брата никто не видел, так и не нашли, а значит, надежда есть... Глупая, конечно, надежда, но все же лучше чем никакой... Времени много прошло. Но если б вернулся – тогда ведь он законный князь, у него не отобрать, без его согласия Василину замуж не выдать. А он никогда бы плохому человеку не отдал.

Только не стоит об этом думать, это только мечты. Надо самой.

А самой страшно.

Это Ульвару она может рассказывать, что прикопает ненужного жениха в лесочке, но как до дела дойдет... Нет, если понадобится, то прикопает. Только это ничего не решит. И проблем меньше не станет. Потому что если и второй жених здесь пропадет – у царя еще больше вопросов будет.

– Станный этот Есислав, – Баженка пяльцы отложила, что-то за окном высматривая. – Про него столько рассказывали... Какой он зверь страшный прям. А он совсем не такой. И вообще, волки эти с ним...

– Ты бы помолчала про это, – вздрогнув, прервала Василина. Вот только лишней болтовни ей не хватало.

– А что? – оживилась Баженка. – Ты что-то знаешь?

Василина молча в глаза ей глянула, поджав губы. Знает. И Баженке-то слова не всегда нужны, она и так понять может. Но иногда с первого раза не хочет понимать.

– Ой... – тихо сказала та.

Вот именно.

– Ничего я не знаю, – с нажимом, сказала Василина. – Что тут можно знать? Обещали жениха, и вот приехал. Какой есть. Бумага царская у него. А так, мало ли, что люди болтают.

Баженка закивала, делая страшные глаза. Словно говоря – она могила, вот точно.

Василина вздохнула.

Прав Ульвар, надо ему скорее исчезнуть, пока разговоры не пошли. Они и так пойдут, но без него – тише будет.

– Ой! Смотри! – Баженка вдруг подпрыгнула, шею вытянула, глядя в окно. – Приехал кто-то!

Глава 5. О проклятии из леса и том, что сбежать невозможно

Человек, въехавший во двор, буквально свалился с лошади, сполз, его подхватили, он слабо дернулся, даже хрипло что-то такое «не трогайте меня» – попытался. Но его уже усадили на ступени крыльца. Побежали воды принести. Он бледный совсем, дрожит, словно чуть не в себе, глаза бешенные, полные ужаса, руку левую неуклюже прижимает. И от людей все отодвинуться пытается, но молчит, всхлипывает только...

Василина подбежала почти одновременно с Ульваром и Тихомиром.

– Что случилось?! – громко спросила она, и хотела было к тому человеку подойти, посмотреть. – Ты ранен? Давай я...

Только Ульвар вдруг схватил за рукав.

– Не подходи, – отдернул резко, и потом, повернувшись уже к человеку, словно бы принюхался, вытянулся. – Откуда ты приехал?

– Почему не подходить? – удивилась Василина. – Ему точно нужна помощь. Что-то случилось.

Ульвар мотнул головой.

– Подожди, княжна, – соглашаясь, шепотом сказал Тихомир. – Разобраться надо.

– Из Нижних овражков, – хрипло всхлипнул человек. – У нас там... там... – и всхлипнул снова.

А потом вдруг зажмурился и резко поднялся на ноги, выбросил вперед левую руку, которую к себе прижимал.

– Вот!

И вот тут уже отшатнулись все разом. Кто-то даже вскрикнул. Кто-то из подбежавших волчат Ульвара зарычал у Василины за спиной. Ульвар и сам тихо зарычал сквозь зубы, почти неслышно, но...

Рука... Пальцы были серые, словно потрескавшиеся, чуть распухшие, почерневшие ногти.

Ох... Василина и сама зарычать хотела. Закричать. Она не видела такое никогда, но слышала, и не понять невозможно. Очень древнее лесное проклятие, серая гниль. Оно пожирает человека за несколько дней, лечение невозможно. Хуже того, в конце человек совсем теряет себя, превращаясь в голодного зверя, бросается на других. И тем самым передает проклятие дальше.

Нужно убить сразу, не прикасаясь. И сжечь. Иначе пострадают другие.

Человек стоял перед ней с вытянутой трясущейся рукой, сам весь бессильно тряся, всхлипывая... он все понимал... слезы в глазах, и размазаны по грязному лицу. Ничего не говорил больше. Но и что тут скажешь? Ему было до жути

страшно. И умирать он не хотел.

Но иначе невозможно. Нужно убить. Иначе будет хуже.

Надо собраться и сказать... Но отдать такой приказ Василина никак не могла. Не выходило, слова встали поперек горла. Она смотрела в полные слез и ужаса глаза и не могла. Самой разреветься хотелось.

Все замерли. Как перед бурей.

Вдруг заорал и начал пытаться что-то невидимое смахнуть с себя человек, помогавший приехавшему дойти до ступенек. Он ведь дотрагивался тоже? И что теперь? И его убивать? На высокой ноте заголосила какая-то баба.

Надо что-то делать, но Василина чувствовала, как паника охватывает ее, сдавливая горло, захлестывает. Надо взять себя в руки и что-то сделать.

– Тихо! – страшно рявкнул вдруг Ульвар, со звоном выхватывая из ножен меч. – Тихо, не орать! Ты! – он мечом указал на помогавшего. – До левой руки, до кожи дотрагивался?

Тот испуганно замотал головой.

– Нет... вроде нет... да я... да так за плечи его... я...

– Хорошо! – так же рявкнул Ульвар. – Отвести его в подвал и запереть до утра. Если к утру никаких следов гнили не появится, то он чист и здоров, можно не бояться. Ночью лучше пару раз зайти проверить. Воды ему только оставьте. А ты... – он повернулся к приехавшему. – Что у вас произошло? Давно?

– Вечером вчера... – хрипло сказал тот, облизывая пересохшие губы. – Вечером человек к нам пришел... раненый... волки его подрали. Весь в крови. Или не волки... но тогда мы не поняли. Кровь же... полосы... В соседний дом его взяли, попытались помочь. Темно уже было, сразу не разобрали, что к чему. Раны перевязали. Там свежее было, гниль еще не пошла. А утром он проснулся и сам на людей кидаться начал. И... вот... Я предупредить, – у него подбородок дернулся, всхлипнул. – Меня теперь тоже, да? Я не хочу!

Последнее – так отчаянно.

Василина поняла, что сердце заныло. Он же не виноват ни в чем. Как же так?

На Тихомир глянула, тот кивнул.

– Иначе никак, княжна.

– Подождите! – остановил Ульвар. – Если только пальцы и зараза далеко не пошла, то еще можно спасти. Рукав закатай.

И сам вперед шагнул, стражников, готовых приказ исполнить, оттесняя.

Человек дрожащими пальцами принялся рукав закатывать, потом просто подтянул вверх.

– Выше, до локтя, – велел Ульвар, подошел ближе, рассматривая.

Внимательно так. Совсем близко, словно и не боясь.

– Ты видел такое? – спросил Тихомир.

– Видел, – сказал Ульвар. – Уже случилось. У него тут

только пальцы и с тыльной стороны ладони. Пока только по коже идет, есть шанс, что по крови не разошлась еще зараза. Руку отрубить, повыше, почти по локоть, чтоб вернее. Перевязать. Потом запереть как-нибудь понадежнее, лучше в яму, чтобы если не поможет, потом было просто убить и сжечь. Или на цепь. И ждать... тут не до утра надо, дольше. Оно не сразу проявиться может. И лучше сразу пусть разделется по пояс, чтоб виднее было. Если пойдет дальше, то на коже пятна появятся.

Очень спокойно, ровно все это говорил, чуть напряженно только.

Тихомир слушал.

– И кто перевязывать будет? – спросил он.

Все равно ведь дотрагиваться придется.

– Я могу, – сказал Ульвар. – Хочешь, меня потом тоже запри до утра. А утром берем людей и в эту деревню едем.

Василину даже передернуло, за спиной шепот пробежал.

Но, ехать надо. Посмотреть... Остановить заразу надо, все сжечь, добить... Все окрестности прочесать. Никак без этого. Если ничего не сделать, эта гниль пожрет их всех.

Только страшно. К горлу подкатывает, и хочется кричать...

– А если утром ты на людей бросаться начнешь? – сказал Тихомир.

– Значит, меня убьешь, – ответил Ульвар ровно. – Главное сжечь все потом. Хочешь, сразу на цепь посади.

– А рисковать так зачем?

– Я уверен, что еще помочь можно, – сказал Ульвар. – И если уж уверен, готов все сделать и отвечать сам. Ты, – он к приехавшему человеку повернулся. – Жить хочешь? Рубашку сними, чтоб на тебя осмотреть. А то вдруг и правда уже поздно.

Тот закивал, снова всхлипнул громко, принялся дрожащими руками рубашку с себя стаскивать. Хоть какая надежда. Лучше без руки, чем совсем...

Василина видела, как побледнело и вытянулось у Ульвара лицо. Как дыхание чуть сбивалось. Ему тоже страшно было. Но он стоял спокойно, вглядываясь.

– Ты уверен? – тихо спросила она.

– Уверен, – сказал он, человека рассматривая. – Панику устраивать нельзя. И всех без разбора убивать тоже нельзя, нужно понимать, где опасно, а где есть возможность спасти. Иначе мы в этом захлебнемся. Я уже видел такое. И у нас... справились. И здесь справимся тоже. Не бойся. Я знаю, что делаю.

Повернулся, даже улыбнуться Василине попытался, но улыбки толком не вышло.

– Откуда оно лезет только? – глухо спросил Тихомир. – Он сказал «волки»?

– Не волки, – Ульвар покачал головой. – Посмотри на его руку. У него уже ногти меняться начали. Если подождать – когтями станут. Чтобы потом на новые жертвы кидаться и

когтями рвать. Вот если когтями тебя заденут, то дела куда хуже, там быстрее в кровь попадает. Сейчас еще можно. Хоть попытаться... Согласен?

Сам с трудом судорожно сглотнул. У самого ужас в глазах. Но старается держаться.

Тихомир вздохнул тяжело.

– Если уверен, то попробуй, – сказал он. – Но потом тебя тоже на цепь.

Ульвар кивнул.

– Уверен. Давай цепи. Еще мне рукавицы кожаные, повыше, до локтей. И такие, чтоб не жалко потом сжечь было, но крепкие. Топор, веревку и чем перевязать. Воды ведра три сразу.

Очень спокойно все это, так, словно не в первый раз.

Тихомир только покачал головой, все же сомневаясь.

– На задний двор пошли, – сказал он. – Там есть где... И этот пусть идет. Слышали? – кивнул своим. – Принесите все.

* * *

– Как тебя зовут? – спросил Ульвар, пока ждали.

– Макар, – у того голос дрожал, чуть не плакал.

– Не бойся. Думаю, жив останешься. Без левой руки ничего, как-нибудь справишься. Правой все делать можно, если приспособиться.

– Угу...

– Много у вас в деревне людей?

Тот снова всхлипнул.

– Немного. У нас дворов тридцать всего, к лесу близко...

И что, значит все теперь... ну, они все как я? Да? У меня мать там... Отец... Он мне велел к нашей княжне скорее скакать, предупредить. А они там... Что же будет?

– Посмотрим, – глухо сказал Ульвар. – Может ничего. Вот завтра поедем и посмотрим, как там.

Ничего хорошего, конечно, там в деревне не будет, это все понимали. Но хоть какая-то надежда должна быть.

Людей во дворе много собралось, все посмотреть хотели, но близко никто не подходил, стояли, охали, шептались. Макарь с Ульваром в широком круге. Столб рядом. Вот к этому столбу цепями и прикуют.

Ульвар сам... Потому что цепи принесли, а подходить побоялись, бросили и назад. Ульвар сам подошел, взял, очень стараясь спокойно держаться, словно все так и надо. Может как раз это спокойствие людей и удерживало, они тоже начинали думать, что обойдется, что вот князь Есислав знает, что делает. Очень важно, чтоб хоть у кого-то все под контролем было.

И как принесли, сам взял цепь, продел в кольцо, рукавицы надел. Но Василина видела, и он ни в чем не уверен.

– Сюда, ближе к столбу иди, – велел Макарь. – Руки уברי... и ногу давай.

Второго столба не было, так что свою цепь он в кольцо

рядом продел.

Надел браслеты на ногу Макару, проверил, заклепку вбил. Тот только тихо, чуть слышно заскулил. Вздрагивая всем телом.

– Так, теперь руку... – Ульвар шумно выдохнул, с силами собираясь. – Дергаться будешь? – спросил он, глядя, как Макар трясется весь. – Значит так... Будешь дергаться, руками махать, я тебе не только руку, но и голову отхвачу. Понял? Уговаривать и успокаивать не стану, у меня и без тебя хватает забот. Хочешь жить, будешь лежать тихо. На живот ложись, левую руку вытяни в сторону.

Тот, всхлипнул, кивнул. Лег на землю. Ульвар принес воду и бинты поближе, опустился рядом, придавив коленом Макару руку у плеча. Тот заскулил снова, затрясся.

Василина зажмурилась, не в силах смотреть. И даже сложно сказать, за кого она сейчас волновалась больше. И парня того жалко, он ни в чем не виноват. И за Ульвара очень страшно.

Удар... глухой, треск кости. И отчаянный крик Макара. И...

Парень орал и дергался изо всех сил, пытаясь вырваться, от боли и страха. Ульвар, сжав зубы, прижимал его к земле.

– Тихо! Хватит! Тихо лежи! Мне перевязать надо! И так крови много... Прекрати!

Но тот никак не унимался. Долго... Ульвар не сдавался, держал, только рычал тихо. Василина уже всем богам помо-

литься успела.

И только потом немного затих. Ульвар крепко перетянул руку, водой обмыл, потом бинтами перевязал. Потом за шкуру подхватил и в сторону оттащил. Бросил. На то место, где кровь пролилась, ведро воды вылил, размывая. Руку бросил в ведро, и ведро к людям поближе поставил.

Когда подходил, только шаг сделал, они от него аж шаркнулись.

– Вот. В ведре прям сожгите.

Вернулся к столбу, сапоги снял, второй браслет цепи себе на ногу надел, закрепил. Спокойно, по-деловому. Одно ведро воды ближе к Макару поставил, другое себе. Топор рядом положил.

– Все, – сказал он. – Теперь только ждать.

– И долго ждать? – спросил Тихомир.

– Ну, со мной, думаю, уже к утру понятно будет. А этого... ну, думаю до следующего вечера подержать стоит, для верности. Только утром поесть принесите, и бинтов свежих.

– А если ты утром тоже... начнешь?

Ульвар руками развел.

– Тогда выход только один.

– И что я потом... ну, царю скажу?

Усмехнулся.

– Так и скажи. Что тут еще сказать можно? Людей готовь, завтра утром в деревню поедем. Если не остановить сейчас, потом мы с этим не справимся. А пока, знаешь, куда можешь

гонцов отправь, чтоб чужаков на порог не пускали, не прикасались. И пусть тоже вести дальше передадут. И... Джарелду напишите, он поможет.

– Сделаю, – Тихомир вздохнул. – А тебе... удачи.

Ульвар криво усмехнулся.

Еще долго народ стоял вокруг, шептался, поглядывая на все это. Потом постепенно расходиться начали. Не на что больше смотреть. Макар лежал согнувшись, подтянув под себя ноги, руки к животу прижав, и тихо стонал. Ульвар сидел рядом.

Василина тоже сначала ушла, думала к матушке сходить, рассказать, но увидела, как та уже что-то с Тихомиром обсуждает. Матушка из без нее все знает. Разве что совета спросить.

Страшно было.

Василина вдруг подумала, что было бы, если б не Ульвар? Он так спокойно все делает, словно точно знает как... И от этого всем спокойнее. Или правда знает, они сталкивались с таким? А без него бы, может, и паника б началась. Ну, может, Тихомир бы тоже что-то придумать смог. Остановили б. А если б она одна? Что она сама б делала? Приказала б убить сразу? Вот так, как у Ульвара, у нее бы не вышло.

Хотелось что-то делать, но не могла понять, что.

Просто ждать?

Соседям письма написать и отправить. Ночью, конечно,

гонцов отправлять не очень хорошо, но тут такие вести, что чем раньше, тем лучше, ждать некогда.

* * *

И вот ночью, закончив все, написав и отправив, и с Тихомиром и с матерью все еще раз обсудив, Василина пыталась лечь спать, чтобы завтра встать пораньше и снова делами заняться, но поняла, что уснуть не может.

И что бы там ни происходило, а сейчас думает она только об одном.

Спустилась вниз, во двор.

Да тут уж и до рассвета не так далеко.

Ульвар лежал, спал наверно... но стоило ей появиться, как он сел сразу.

– Близко не подходи, – сказал только.

– А то что? – спросила она. – Бросишься?

Он усмехнулся.

– Мало ли. Издалека безопаснее.

– Вижу я, как ты за безопасностью следишь, – и все же подошла чуть ближе. – Как ты?

– Нормально, – Ульвар пожал плечами. – Я ничего особенного не чувствую. А этому, – он кивнул в сторону Макара, – не очень хорошо. Трясет его. Он крови много потерял. Тут даже если все с гнилью обойдется, он и так... Может... знаешь, одеяло ему принеси? Я его уже своей курткой на-

крыл, но не очень помогает.

– Да, сейчас принесу, – Василина даже обрадовалась, что хоть что-то может сделать. – Еще сейчас отвар сделаю.

– Отвар не надо, уже мать твоя приносила, напоили его. Теперь только ждать, тут ничего не сделать. Он парень молодой, может и справится. Я тут присмотрю, если что. Ты одеяло принеси.

Да. Василина побежала за одеялом.

И потом даже не в руки Ульвару, а он велел положить на землю, потом подошел, взял, сам парня укрыл.

– А если их много в разные стороны разбежалось? – тихо спросила Василина. – Если они сейчас в разных деревнях...

– Да, – Ульвар вздохнул. – Все может быть. Ничего, не бойся, мы справимся. И отец поможет, у него опыт есть. Если сразу стеной встать, заразу не пускать дальше, то может и ничего. Не бойся. Все хорошо будет. Справимся. У нас было такое... вот когда тех охотников искали. Но тогда всю заразу быстро погасили и ничего. И сейчас тоже. И источник найдем, что б уж наверняка.

Василина кивнула. Потом поняла, что слезы на глаза наворачиваются. Уж слишком все это...

– А ты... – тихо, шепотом, спросила она, вдруг подумала – что если их кто-то слышит? – Ты в лес уйдешь?

Не стоит сейчас, но не могла не спросить.

Он головой покачал.

– Нет. То есть да, но потом сразу вернусь. Сам. Так лучше

будет. Да тут и ваш Тихомир тоже знает, что делать. И я...
Не бойся, все нормально будет.

Глава 6. О богах, тварях и защитниках

– Ты куда это собралась, княжна? – Тихомир с удивлением смотрел на Василину, одетую по-походному, с мечом на боку.

– Я с вами поеду, – твердо сказала она.

– Не стоит тебе туда. А если нападут?

– Я тоже драться умею, – ладонь на рукоять положила. – Я не могу просто сидеть и ждать.

– Тебе нельзя так рисковать, княжна. Кто еще останется?

– Царь вам и так нового князя пришлет.

– Княжна... – Тихомир со вздохом покачал головой. – Не стоит так.

– Знаю, – буркнула она. – Но это мне решать. После отца и братьев – мое право. И сидеть в тереме я не буду. В драку сама не полезу, но увидеть, что там происходит – должна. Не спорь.

Он вздохнул снова. Вздыхать он мог, но все же, не ему Василине указывать, пусть и выросла она на его глазах. Оставалось только быть рядом и следить, беречь. Только как уберечь, когда такое?

– Пospала хоть? – спросил тихо.

Василина покачала головой. Не вышло. Где уж тут поспать? И мысли всякие в голову лезут, даже глаза не закрыть.

– А... Есислав? – спросила она. Чуть Ульваром не назвала, но удержалась.

– На цепи пока. Мы с ним решили, что освободим в последний момент, чтобы больше на проверку было. Ты не думай, мы и поесть ему принесли, и парню из той деревни бульончика принесли, каши... бинтов тоже.

На цепи...

– Сейчас едем уже. Так что пойдем освобождать.

Казалось бы, чего проще. Да и заклепку с кандалов Ульвар сам выбить мог. Сам забил, сам и выбьет. Ему только сигнал нужен.

Только как понять – нет опасности, или еще будет? Сколько времени нужно, чтобы все проявилось? Что если ночи мало? Даже представить страшно, что может пойти не так.

А если серая гниль на него попала? От таких мыслей у Василины все внутри скручивалось.

Ульвар спокойно сидел и ждал их.

Тот парень с одной рукой все так же лежал согнувшись, постанывал. Ульвар сказал, что у него жар, не сильный, может и выкарабкается. Сказал, что осмотрел его, новых следов нет, гниль дальше не пошла. Бульоном его напоил. Но остальные к нему подходить пока боялись, кто же знает, вдруг заразный еще. Никому не хотелось рисковать. Вот сей-

час Ульвар уйдет и парень останется один.

– А сам-то как? – спросил Тихомир. Чуть издалека, хоть и не шараясь, но и близко не подходя.

– Вроде ничего, – сказал он. – Иди, сам посмотри, может я чего не заметил. А то нам ехать пора. Или ты думаешь, меня здесь оставить? Только там ведь целая деревня.

Чуть насмешки в голосе.

Тихомиру только совсем не до насмешек.

– Сначала руки и ноги покажи. А то ходишь тут босиком... балбес самонадеянный... Давай. Потом рубашку снимай.

Тихомир подошел и долго, вдумчиво, но не дотрагиваясь, рассматривал Ульвара со всех сторон. Тот стоял спокойно, не мешая, только нужным боком поаорачиваясь.

– Ладно, – Тихомир махнул рукой. – Снимай цепь и пошли. Нам до темноты все успеть надо.

Раннее утро, а дорога не близкая.

* * *

Письмо от Джарелда Доброслава получила еще поздно вечером, волчонок привез.

Тихомиру показала только, чтоб знал, больше пока никому. Даже Василине не стала. Потому что ничего определенного там, только волноваться лишний раз заставит. За Василиной Тихомир присмотрит все равно.

В том, что дочь поедет сама смотреть, Доброслава не сомневалась. Она такая же, как ее отец, не сможет сидеть и ждать. С этим ничего не поделать, не запретить, она взрослая уже. Сердце страшно болело, но не сделать ничего.

«О том, что Ульвар убил Есислава я знаю, – писал Джарелд. – И очень рад. Нельзя было эту тварь сюда пускать, тем более сейчас. На Старых могильниках за Черными скалами снова огни видели, и не только там. Непокойно в лесу. Зверья меньше стало, подальше уходят. За Кабаньим оврагом деревья сохнуть начали, только стали распускаться по весне, и посохли. Я сейчас в лес еду, надо самому посмотреть, понять что происходит и откуда идет. А потом к тебе. Боюсь, мертвый Есислав и царский гнев – не главная из наших проблем».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.